

Бах!

Ван Дэмин с грохотом рухнул на пол. В императорской кухне трещали поленья, плясали языки пламени, и воздух накалился до предела. Никто не смел ни двинуться, ни слова сказать. Обжигающий жар пропитал одежду потом, и даже бывалые слуги чувствовали себя не в своей тарелке, а юные евнухи дрожали как осиновые листья.

— Изображаешь потерю сознания?

Сюэ Цзинань склонил голову набок. Сердцебиение выдавало Ван Дэмина с головой – здоровое сердце колотилось как бешеный барабан. Притворяется, не притворяется – какая разница? Это не помешает ему заполучить заветную батарею. Тем более что Ван Дэмин великодушно согласен отдать её даром. Это ли не подарок судьбы?

Сюэ Цзинань тщательно отрегулировал параметры операции, присел на корточки и медленно поднял нож, нацелив острие точно в грудь Ван Дэмина. Предвкушая обладание новым источником энергии, он любезно напомнил с улыбкой:

— Контролируй сердцебиение, а то потеряешь слишком много крови, и увеличишь вероятность смерти.

Человеческое сердце – не что иное, как аккумулятор для телефона, а кровь – его заряд. Разрядился телефон – просто выключился, воткни в розетку, и он снова готов к работе. Но когда человек истекает кровью, он превращается в бездыханную оболочку. Чтобы вернуться к жизни, ему нужно либо стать зомби, либо использовать душу для самовосстановления... Варианты, прямо скажем, не для простых смертных.

— Я закончу до того, как ты истечешь кровью.

Сюэ Цзинань всего лишь хотел заменить батарейку, а не отправлять кого-то на тот свет.

Но все услышали другую фразу, зловещую и жестокую:

— Я буду пытаться тебя до тех пор, пока из тебя не вытечет вся кровь.

Ван Дэмин содрогнулся всем телом. Веки его плотно сомкнулись, и на их внутренней стороне заплясали призрачные тени. Наконец, он вскочил на ноги с отчаянным криком «вау!», и Сюэ Цзинань некоторое время не мог поймать его.

Ван Дэмин рухнул на колени и заголосил, словно по нему уже справляли поминки:

— Этот ничтожный раб осознал свою ошибку! Этот раб признает себя виновным! Раб готов

отправиться в Департамент наказаний! Молю Ваше высочество седьмого принца о пощаде, умоляю!

Он отвечивал земные поклоны, ударяясь лбом с глухим стуком «донг-донг-донг», и вскоре на его лбу показалась кровь.

Батарейка вот-вот ускользнет. Сюэ Цзинань недовольно нахмурился и холодно процедил:

— Тебе не нужно в Департамент наказаний. Я не собираюсь тебя наказывать. Мне просто нужно твое сердце в качестве компенсации.

Принц хочет его жизни? Ван Дэмин почувствовал, как его тело сковывает ледяной холод, и отчаянно замотал головой:

— Нет, нет, нет! Я готов отправиться в Департамент наказаний и принять любое наказание. Прошу, даруйте мне свое благословение, Ваше высочество!

В его голосе звучала такая непоколебимая решимость, будто он просился не в Департамент наказаний, а в услужение к самому императору. Не зная подоплёки, можно было подумать, что Департамент наказаний – самое приятное и желанное место во всем дворце.

Департамент наказаний был одним из трех правительственных учреждений во дворце, но его методы внушали ужас даже самым закаленным палачам. Дворцовым служанкам и евнухам, попавшим туда, редко удавалось выбраться оттуда целыми и невредимыми. Это ли не свидетельство того, как отчаянно Ван Дэмин хотел избежать встречи с ножом мясника Сюэ Цзинаня?

Сюэ Цзинань не считал свои намерения вырезать сердце чем-то безумным и жестоким. Он просто считал старика очень плохим человеком. Даже не обладая ни чуткостью к человеческим чувствам, ни искусством красноречия, он не мог не заметить недобрые намерения этого евнуха.

Ван Дэмин явно замышлял что-то против него, а незадолго до этого он намеренно подтолкнул Сюэ Луцзы, чтобы тайно напасть на него. И вот теперь этот человек вдруг заявляет о своем желании отправиться в Департамент наказаний. Его мотивы явно не чисты.

Сюэ Цзинань задействовал свой новый человеческий мозг и попытался проанализировать ситуацию. Он слышал от отаку, что люди – существа крайне разнообразные, и есть такие, кто рождается с желанием, чтобы над ними издевались. Чем сильнее и болезненнее травмы, которые они получают, тем больше удовольствия им это доставляет.

Ну, большинство евнухов в романах не отличаются крепким психическим здоровьем, а у многих из них и вовсе обнаруживаются садистские наклонности. Похоже, Ван Дэмин – ярко

выраженный мазохист.

— Я не собираюсь тебя награждать.

Сюэ Цзинань снова холодно отказал.

Департамент наказаний? Награда?

Ван Дэмин чуть не задохнулся от этих слов, а лица окружающих исказились в странных гримасах. В императорской кухне, в одном из самых прибыльных мест во дворце, работали лишь прозорливые люди, умеющие читать между строк высочайшие повеления. Смысл сказанного долетел до них мгновенно.

У евнухов, чье самообладание дало трещину, невольно взгляд скользнул к Ван Дэмину, воскрешая в памяти недавнюю сцену. У некоторых, особо впечатлительных, щеки тронул предательский румянец.

Ван Дэмин захлебывался в волнах стыда, гнева и отчаяния. Он уже был готов рискнуть и выхватить нож, когда тишину нарушил знакомый голос:

— Что тут стряслось? Почему седьмой принц в таком гневе?

Сюэ Цзинань окинул взглядом старого евнуха, выступившего вперед. Именно этому человеку Ван Дэмин с почтительным трепетом передавал коробку с едой. Морщинистое лицо, прищуренные глаза и добродушная улыбка создавали обманчивое впечатление неприметности.

С тех пор как Сюэ Цзинань напал на Ван Дэмина, до него не доносилось ни звука извне. Либо старый евнух уже был здесь, либо его появление прошло абсолютно незамеченным для Сюэ Цзинаня.

Сюэ Цзинань наблюдал за его уверенной, бесшумной поступью, за огромной коробкой в руке, остававшейся неподвижной, за его ровным и сильным дыханием и сердцебиением... Да, он был стар, но полон здоровья и скрытой силы.

В душе Сюэ Цзинаня шевельнулось неясное, незнакомое чувство. «Как же так, — подумал он, — он так долго находится на рынке, а аккумулятор этого старого евнуха, готового уйти в утиль, здоровее моего?»

Позже Сюэ Цзинань узнал название этой эмоции – меланхолия.

— Евнух Лу, евнух Лу, спасите меня!

Завидев его, Ван Дэмин бросился вперед и вцепился в его ноги, словно в спасительную соломинку.

Сяо Луцзы, настороженно стоявший на страже у своего господина, прошептал:

— Хозяин, это евнух Лу Бинчжу из дворца Цынин.

Дворец Цынин (Дворец Блага и Спокойствия) был резиденцией Великой вдовствующей императрицы (императрицы-бабушки). В этой династии не было вдовствующей императрицы. Биологическая мать нынешнего императора умерла рано, и он вырос под опекой Великой вдовствующей императрицы. Он питал к своей бабушке сыновнюю почтительность и был учтив со старыми дворцовыми служанками и евнухами, окружавшими Великую вдовствующую императрицу.

Действие происходило в 35-й год Цзяхэ. Вдовствующая императрица давно покинула этот мир, и Сюэ Цзинань мало знал о дворце Цынин. Ему запомнились два эпизода: первый – в начале истории, когда император, понимая, что принцы готовы на все ради трона, делился своими переживаниями со старой момо из дворца Цынин, сетуя на отсутствие настоящих уз между отцом и сыном под бременем императорской власти.

Второй эпизод – финал борьбы за трон. Принцы гибли один за другим, а старый и немощный император терял власть. Весь его облик выдавал панику, тревогу, раздражительность и капризность. Однажды старый император, проигнорировав протесты своих министров, настоял на посещении императорской гробницы, чтобы отдать дань уважения Великой вдовствующей императрице. Ночью он пил молча с евнухом, охранявшим гробницу. Наконец, уходя, он забрал старого евнуха в столицу и вручил ему на хранение указ о престолонаследии.

Этот старый евнух – Лу Бинчжу.

Он был с вдовствующей императрицей с тех пор, как она стала императрицей, служил трем императорам и возглавлял Фэнъичу. Он был наставником Ли Хэчуня, евнуха, отвечавшего за дворец Цяньюань, что обеспечивало ему высокое положение во дворце. Хотя он уже много лет находился в уединении во дворце Цынин, придворные дамы по-прежнему почтительно называли его главным евнухом Лу.

Сяо Луцзы был напуган безрассудством своего господина и, упомянув личность Лу Бинчжу, просил его быть осторожнее. Убить Ван Дэмина для принца было пустячным делом. Но навредить главному евнуху Лу было бы катастрофой.

Если бы Сюэ Цзинань понял истинный смысл слов Сяо Луцзы, он бы решил, что тот слишком много думает.

Главный евнух Лу был мастером боевых искусств с огромной внутренней силой. С его нынешним телом у него не было ни единого шанса одолеть старика.

Сюэ Цзинань коротко бросил: «О» - и, повернувшись к Ван Дэмину, сухо констатировал:

— Он обещал мне компенсацию.

Ван Дэмин тут же склонился в поклоне и взмолился:

— Прошу сорок ударов палками!

Только что он молил о наказании в Департаменте наказаний, но теперь изменил решение и просил об экзекуции прямо здесь. В его словах крылся тайный умысел. Ведь удары палками бывают разные. Сорок ударов могут убить человека, а могут лишь слегка покалечить. Ван Дэмин оскорбил принца и был пойман с поличным. Он заслуживал урока и должен быть избит до полусмерти. И, конечно же, ему больше не было места на императорской кухне.

Лу Бинчжу опустил взгляд, и на его лице не отразилось ничего, кроме безучастного принятия чужой судьбы.

— Что думаете, ваше высочество? — Лу Бинчжу выдержал паузу, словно взвешивал слова, и произнес: — Если уж речь зашла об официальном наказании палками во дворце, старый слуга лично проследит за исполнением. Будьте уверены, ваше высочество останется доволен.

— Господин, — Сяо Луцзы робко дернул Сюэ Цзинаня за рукав.

Сюэ Цзинань, потратив три процента заряда своей батареи на анализ исхода нескольких столкновений с Лу Бинчжу, убедился в недостаточности своих нынешних сил. Система бесстрастно выдала заключение о временном отступлении.

Однако мысль о капитуляции ему не нравилась. Невольно надув щеки, он пробормотал:

— Все равно хочу, чтобы он мне компенсировал.

Компенсировал бесплатной батареей.

Какой настойчивый ребенок! Лу Бинчжу не смог сдержать искренней улыбки и с серьезным видом изрек:

— Седьмой принц, умение прощать - добродетель.

И, бросив многозначительный взгляд на побледневшего Ван Дэмина, добавил:

— Ибо смерть - это конец, а жизнь без власти - бесконечная мука.

Лицо Ван Дэмина вмиг посерело. Руки бессильно повисли, глаза наполнились ужасом и отчаянием. В душе закралось мучительное осознание роковой ошибки...

Лу Бинчжу не стал медлить. По его приказу перед входом в императорскую кухню водрузили две скамьи. Ван Дэмина выволокли на место экзекуции и принялись нещадно избивать на глазах у всей дворцовой прислуги.

Ван Дэмин, стиснув зубами деревянную палку, беззвучно содрогался под градом ударов. Боль, словно кипящая лава, бурлила в его венах. Молодые евнухи, наблюдавшие за этой сценой, побледнели, будто сами испытывали муки наказываемого.

На самом деле, Лу Бинчжу преследовал иную цель – преподать урок обитателям императорской кухни. Во дворце издревле процветало угодничество перед сильными и презрение к слабым, но откровенное издевательство над принцем было недопустимым переходом границы.

После этой показательной порки во дворце воцарится тишина, и императору не придется волноваться по пустякам.

Сюэ Цзинань, все еще снедаемый досадой из-за упущенной возможности заполучить бесплатную батарею, некоторое время безучастно наблюдал за экзекуцией. Однако, увидев, как стремительно тает «здоровье» Ван Дэмина с каждым ударом, потерял интерес к происходящему, сочтя действия Лу Бинчжу нерациональной тратой ресурсов.

Сяо Луцзы, несмотря на неприязнь к Ван Дэмину за издевательства над господином, был от природы добрым человеком. Кровавое зрелище вызывало у него отвращение. Он поспешил в кухню и, воспользовавшись случаем, до краев наполнил свою коробку для еды.

— Пойдем отсюда, — Сюэ Цзинань махнул рукой, не желая больше оставаться на месте казни.

— Ох, подождите меня! — Сяо Луцзы, едва удерживая в руках непомерно тяжелую коробку с едой, поспешил вслед за господином.

Оба они не подозревали, что вскоре после ухода из императорской кухни им навстречу выскочит запыхавшийся и взволнованный четвертый принц. Его одежда была помята, лицо осунулось. Заметив Сюэ Цзинаня, он лишь испепелил его злобным взглядом.

За принцем, словно тень, следовал слуга, сгорбившись под тяжестью стопки книг. На его лице застыла скорбная гримаса.

Сюэ Цзинань, провожая их взглядом, с нескрываемой жадностью уставился на «батарею» четвертого принца. Ван Дэмин открыл ему способ получения бесплатных батарей. У него нет денег, зато он может потребовать компенсацию за подстроенный ущерб.

Ненависть четвертого принца к прежнему владельцу была так сильна, что достаточно было лишь слегка поддразнить его, чтобы спровоцировать гнев. А там уже можно потребовать компенсацию.

«Правда, лучше сделать это наедине. Если появится этот непобедимый Лу Бинчжу, все пойдет прахом», – размышлял Сюэ Цзинань, неотрывно следя за удаляющейся фигурой четвертого принца.

— Четвертый принц снова опаздывает на занятия. Похоже, ему не избежать наказания, — в голосе Сяо Луцзы прозвучали нотки злорадства. Но, обернувшись, он заметил, что господин смотрит вслед четвертому принцу с какой-то странной грустью. Сердце мальчика сжалось от боли.

Ведь господину исполнилось семь лет – возраст, когда пора начинать обучение. Но никаких признаков подготовки к этому не было, словно о нем просто забыли.

— Господин, вам только-только исполнилось семь. Не стоит спешить в школу. Я слышал, там очень тяжело. Можно не ходить. Я буду сопровождать вас и играть с вами еще несколько лет,
— Сяо Луцзы попытался развеять печаль господина.

— Школа для принцев? Не хочу туда.

В оригинальном романе она упоминалась лишь вскользь. Прежний владелец вошел туда вместе с девятым принцем в возрасте девяти лет, но уже через год был вынужден бросить учебу из-за жестокого избиения.

Сюэ Цзинань чувствовал, что его батарея и так на пределе, а уж от учебы ему точно станет хуже.

«Лучше остаться дома и посещать онлайн-занятия», — подумал Сюэ Цзинань.

Он не знал, что их разговор донесся до ушей старого евнуха.

Лу Бинчжу глубоко задумался.